

известие. — 1991. — 6 дек.

МОЦАРТОВСКИЙ ВОПРОС

В Золотом зале Большого театра 5 декабря, в день 200-летия со дня кончины Вольфганга Амадея Моцарта звучала его поистине таинственная музыка — увертюра к «Волшебной флейте» и «Реквием». (Хор Владимира Минина, солисты из Австрии, оркестр Большого театра, дирижер тоже из Австрии).

И в тот же вечер звучал «Реквием» Моцарта в Вене, в Золотом зале Общества друзей музыки.

И где-то еще, и еще звучал 5 декабря «Реквием» Моцарта. Звучал горячо, слезно, принимая в себя звуковое пространство человеческого мира...

Моцарт — личность историческая, легендарная, загадочная, реально воздействующая на нас сегодняшних, близкая нам до боли. Душевная чуткость его и подлинная нежность составили неповторимую особенность моцартовского дара.

Невозможно говорить о смерти Моцарта. Какая смерть, когда живое прикосновение моцартовского взгляда способно неожиданно проявить природу человека.

Моцарту было дано постичь и выразить человеческую природу в ее внутренней гармонии и видимой житейской несообразности.

«А гений и злодейство — две вещи несовместные. Не правда ль?»...

Пушкин вложил в уста Моцарта и эту уверенность, и этот вопрос, ощущая автора «Дон Жуана» совершенно живым почти через сорок лет после его кончины.

Сорок лет — еще реальный срок для того, чтобы человек оставался в памяти живым и не становился бы историческим персонажем. Сегодня целых два столетия отделяют нас от последнего дня Моцарта. И что же? По-прежнему моцартовское (пушкинское) утверждение и моцартовский вопрос («Не правда ль?») воспринимаются нами как нечто совершенно подлинное, непосредственно волнующее и внеисторическое, как великое открытие нашего времени, экспериментально подтверждаемое и музыкой Моцарта, и музыкой его нынешних современников.

«Гений и злодейство — две вещи несовместные»... Но «сальеризм»! Скольких он погубил в искусстве и в жизни, и сколько еще намечал новых жертв!

«Моцартовский вопрос» — как и «гамлетовский» «Быть или не быть» и «гоголевский» («Русь, куда же несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа...») — это вопрос прежде всего художественный и нравственный. Это во-

прос будущего культуры и людей культуры, это вопрос сохранения нашего культурного достояния и атмосферы для жизни культуры в будущем, причем самым близком будущем.

«Вопросом» остается и сам Моцарт, его творчество. Как все-таки могло состояться такое? Чудо? Конечно, чудо. Моцарт убеждает нас, что само искусство — чудо, и развивается оно по чудесным, а не каким-то иным, утвержденным законам. В искусстве правит традиция и чудо Божественного дара — таланта. А талант рождает любовь, а любовь открывает путь к постижению таланта и особому, совершенно особому, внесоревновательному к нему отношению.

Удивительная запись есть в дневнике Петра Ильича Чайковского: он называет Моцарта — «Христос музыкальный»...

Христос музыкальный... Так мог сказать только Чайковский, сам изживавший себя в музыке, как изживал себя в музыке Моцарт, преодолевая трагедию человека в мире через постижение этого мира, безоговорочную любовь к нему, святое доверие к людям, которых одарил Моцарт своей любовью — своей Музыкой.

Моцарт прожил 35 лет, 10 месяцев и 9 дней, из них он был в пути 10 лет, 2 месяца и 8 дней. Поездки его проходили в жестких условиях и по очень плохим дорогам. Мучительные это были переезды. В некотором смысле, путь Моцарта из года в год, из века в век, из города в город продолжается и по сей день, и это по-прежнему трудный и мучительный путь.

Люди легко признают мировую славу гениального человека, если она уже утвердилась до них, но они не всегда любят себе труд (а это действительно труд, и не легкий) дойти до самой сути творчества большого художника.

Нередко художник стремится ощутить себя «хозяином жизни», дабы самоутвердиться и повелевать людьми, их вкусами, нравами. Это целая художественная философия, и среди ее приверженцев нетрудно сыскать людей крупного, яркого дарования.

Моцарт никогда не ощущал себя «хозяином жизни». Он признавал небесную власть над собой, но он воспитал себя и утвердил хозяином своей собственной жизни, взяв на себя, сообразно природной своей стихии, художественному гению и свободному разуму, всю полноту вины и ответственности в нерасторжимом их единстве, — за итоги переживаемого, выстраданного и обретенного счастья.

Моцарт — тот недостижимый

идеал, который пришел к людям для того, чтобы сделать понятным само представление об идеале, реализовать его в образе живого человека, создававшего живую музыку.

Моцарт — это не только музыка и не просто человек, ее создавший. Моцарт стал символом светоносности человеческого существа, безграничных возможностей человека-художника, символом трагического взаимодействия искусства и жизни.

«Гений и злодейство — две вещи несовместные. Не правда ль?» Так мы ищем поддержки во мнении другого, если угодно, во мнении человечества, то есть составляющих человечество индивидуальностей, когда речь идет о внутреннем веровании.

Естественно упование нравственного человека на человеческое понимание и особое моральное единение в процессе узнавания мыслей друг друга и друг о друге по самому главному для морального существования вопросу. Также естественны и сомнения в том, что обрестишь поддержку и услышишь отзыв-отклик. Из века в век мы вопрошаем друг друга о самих себе и об общей судьбе, ибо в подсознании ощущаем непременно эту общую судьбу.

Сальеризм противостоит моцартовскому началу и духу во всем и всегда, и потому моцартовский вопрос содержит в себе философию и эстетику существования человека, его художественного существования. В этом моцартовском (пушкинском) «Не правда ль?» — хрупкость и надежда на понимание, но и неопоримая уверенность в своей правоте, доказываемая ценою жизни.

100 лет назад вышла в издательстве Юргенсона в Москве, в переводе Модеста Чайковского написанная по-французски нижегородским помещиком и музыкальным писателем Александром Улыбышевым капитальная «Новая биография Моцарта». И справедливо будет, наверное, сказать, что жизнь музыки Моцарта постоянно рождает все новую и новую биографию Моцарта. И не будет никогда ей конца.

В минуты тягостных раздумий, бесповоротных решений, слушая неумолчную будничную «музыку сфер» земных, мы готовы в какой-то миг — от сознания бессилия своего или в порыве нахлынувшего неведомого чувства — воскликнуть вслед за Пушкиным: «Из Моцарта нам что-нибудь!»...

Звучит так просто, так спасительно, светло и скорбно.

«Из Моцарта нам что-нибудь!», — готовы выдохнуть мы в надежде на вдохновение жизни, на то, что моцартова музыка не оставит нас.

Наши мысли и чувства сольются в трагедии выстоявшую гармонию, и мы ощутим прикосновение красоты, омытой слезами моцартовского «Реквиема».

Андрей ЗОЛОТОВ.